

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ВСЛЕДСТВИЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ, В ЕС И ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

*Н. Г. Маскаева, к. ю. н., старший преподаватель кафедры между-
народного частного и европейского права БГУ*

В рамках СНГ отсутствуют международные договоры, содержащие коллизионные нормы о праве, применимом к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения (далее – кондикционные обязательства). В актах законодательства государств–участников СНГ коллизионное регулирование данных обязательств осуществляется следующим образом.

Так, в Гражданском кодексе Республики Молдова от 6 июня 2002 г. (п. 2 ст. 1614) в качестве единственной коллизионной привязки в отношении кондикционных обязательств закреплена привязка **«закон места, где неосновательное обогащение произошло»**. В гражданских кодексах (далее – ГК) Беларуси, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана и Законе Азербайджанской Республики от 6 июня 2000 г. «О международном частном праве» (далее – Закон Азербайджана о МЧП), напротив, прослеживается дифференциация коллизионного регулирования указанных обязательств: упомянутая формула прикрепления является общим правилом, из которого предусмотрены исключения:

– в соответствии с п. 2 ст. 1131 ГК Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г., п. 2 ст. 1119 ГК Республики Казахстан (Особ. ч.) от 1 июля 1999 г., п. 2 ст. 1205 ГК Кыргызской Республики (Ч. 2) от 5 января 1998 г., п. 2 ст. 1229 ГК Республики Таджикистан (Ч. 3) от 1 марта 2005 г., ч. 2 ст. 1196 ГК Республики Узбекистан (Ч. 2) от 29 августа 1996 г. в случае, если неосновательное обогащение возникает вследствие отпадения основания, по которому приобретено или сбережено имущество, применимое право должно определяться по **праву страны, которому было подчинено это основание;**

– согласно п. 2 ст. 1223 ГК Российской Федерации (Ч. 3) от 26 ноября 2001 г. (далее – ГК РФ), если неосновательное обогащение возникло в связи с существующим или предполагаемым правоотношением, по которому приобретено или сбережено имущество, к обязательствам, возникающим вследствие такого неосновательного обогащения, применяется **право страны, которому было или могло быть подчинено это правоотношение;**

– пунктом 28.2 ст. 28 Закона Азербайджана о МЧП предусмотрено, что к иску против неосновательного обогащения, возникшего в результате посягательства на чужое имущество, применяется **право страны, где произошло посягательство**.

В отличие от актов законодательства других государств–участников СНГ, ГК РФ (п. 3 ст. 1223 и ч. 1 п. 1 ст. 1223.1) допускает **возможность сторонам** указанного обязательства после совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших неосновательное обогащение, **избрать применимое к нему право**. При этом данная коллизионная привязка имеет приоритет над иными закрепленными в ГК РФ в отношении кондикционных обязательств формулами прикрепления. Исходя из ч. 2 п. 1 и п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ, свобода соглашения сторон о выборе применимого права ограничена двумя условиями: во-первых, выбранное сторонами право применяется без ущерба для прав третьих лиц; во-вторых, если в момент совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших неосновательное обогащение, все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства [1].

Следует отметить, что ни в одном из упомянутых нормативных правовых актов не разъяснено, что понимать под местом обогащения. Это сопряжено с возможными сложностями локализации последнего, особенно в случаях, связанных с безналичными денежными средствами, бездокументарными ценными бумагами, имущественными правами, в силу невещественного характера подобного имущества [2]. При этом в доктрине нет единства мнений по данному вопросу: одни авторы считают, что местом обогащения является территория, где имущество, приобретенное или сбереженное **впервые** (т. е. независимо от последующих действий), **становится реальным активом должника** [3], другие – что указанный термин означает конкретное государство, на территории которого было в **конечном итоге приобретено или сбережено имущество** неосновательно обогатившимся лицом [2].

В ЕС выработано унифицированное коллизионное регулирование кондикционных обязательств, которое содержится в Регламенте (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (далее – Регламент Рим II). В качестве

приоритетной коллизионной привязки в отношении большинства внедоговорных обязательств, включая кондикционные, в нем закреплена привязка *lex voluntatis* (ст. 14). В отличие от ГК РФ, Регламентом Рим II допускается не только выбор *ex post*, но и *ex antes*, однако лишь для сторон, занимающихся коммерческой деятельностью. Помимо ограничений автономии воли сторон, аналогичных содержащимся в данном кодексе, Регламент Рим II проецирует вышеприведенную связанную с императивными нормами схему с национального уровня на уровень ЕС. Так, из п. 3 ст. 14 следует, что, если все элементы, относящиеся к обстоятельствам соответствующего события, в момент его наступления расположены в рамках ЕС, стороны не могут отступить от сверхимперативных норм ЕС, избрав право государства, не являющееся правом государства – члена ЕС [4, р. 340–341].

В отсутствие соглашения сторон о выборе применимого к кондикционному обязательству права правоприменителям государств–членов ЕС предписано обращаться к иным, закрепленным в п. 1–3 ст. 10 Регламента Рим II, коллизионным привязкам, объединенным в иерархическую систему: каждая последующая применяется в том случае, если предыдущая не может быть применена.

Так, при наличии тесной связи кондикционного обязательства с отношениями, существующими между его сторонами, применению к нему подлежит право, регулирующее данные отношения (п. 1 ст. 10 Регламента Рим II). По утверждению П. Убера (P. Uber) и И. Баха (I. Bach), обоснованием закрепления в данном Регламенте коллизионной привязки *lex causae* послужила целесообразность [4, р. 293].

В случае невозможности применения *lex causae* и нахождения обычного места жительства сторон в одном и том же государстве в момент события, повлекшего неосновательное обогащение, к соответствующему обязательству должно применяться право этого государства (п. 2 ст. 10 Регламента Рим II). Комментируя данную норму, А. Чонг (A. Chong) объясняет закрепление применительно к рассматриваемому случаю *lex domicilii communis* удобством для суда применять собственное право (по ее мнению, ввиду факта совпадения государства обычного места жительства сторон рассмотрение соответствующего дела, со всей вероятностью, будет осуществляться в суде такого государства) и одинаковостью либо схожестью ожиданий сторон в связи с тем, что они происходят из одной и той же внешней среды [5, р. 881].

Если стороны не обладают *domicilii communis*, то применимым к кондикционному обязательству правом является в соответствии

с п. 3 ст. 10 Регламента Рим II право государства, на территории которого имело место неосновательное обогащение. Как и в актах законодательства государств – участников СНГ, в Регламенте Рим II не указывается, что должно пониматься под данным местом. Разъяснений по этому вопросу не содержится и в решениях суда ЕС.

В п. 4 ст. 10 Регламента Рим II предусмотрена так называемая «корректирующая оговорка», согласно которой если из всей совокупности обстоятельств дела очевидно, что кондикционное обязательство явно наиболее тесно связано с государством иным, чем указано в п. 1–3 данной статьи, то применению подлежит право этого государства.

Как видно, коллизионное регулирование кондикционных обязательств в Регламенте Рим II является более гибким по сравнению с предусмотренным законодательством государств – участников СНГ, что позволяет избежать «механического» подхода к решению коллизионного вопроса и, следовательно, применения к соответствующему отношению права, в недостаточной степени с ним связанного. Кроме того, в отличие от гражданских кодексов/законов о международном частном праве большинства данных государств, оно отражает такую прогрессивную тенденцию современного международного частного права, как расширение сферы действия автономии воли сторон. В этой связи при совершенствовании указанных актов законодательства государств – участников СНГ, включая ГК Республики Беларусь, в части норм о праве, применимом к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, на наш взгляд, необходимо закрепить в них возможность автономии воли сторон, а также «корректирующую оговорку». В целях единообразного понимания правоприменителями государств – участников СНГ того, что является местом неосновательного обогащения, следует предусмотреть в их гражданских кодексах/законах о международном частном праве соответствующую дефиницию.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI [Электронный ресурс] / М. М. Богуславский [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014. – 200 с. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учеб.-практ. коммент. (пост.) [Электронный ре-

курс] / Е. Н. Абрамова [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. — М.: Проспект, 2011. — 392 с. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.

3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) [Электронный ресурс] / Т. Е. Абова [и др.]; под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланаова. — М.: Юрайт, 2004. — 486 с. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.

4. Rome II Regulation. Pocket commentary / ed. P. Huber. — München: Sellier European Law Publishers, 2011. — 470 p.

5. Chong, A. Choice of Law for Unjust Enrichment / Restitution and the Rome II Regulation / A. Chong // The int. and comp. law quart. — 2008. — Vol. 57. — P. 863–898.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

В. Н. Матарас, к. ю. н., доцент кафедры теории и истории государства и права БГУ

Обращаясь к истории понятия суверенитета, необходимо отметить, что оно не было постоянным и не оставалось неизменным в историческом времени. Теория суверенитета, созданная в борьбе светской и религиозной властей в западном мире, трансформировалась в силу динамических процессов, происходящих в этом мире. Понятие «суверенитет», употреблявшееся в смысле «высшая власть» при переходе западного мира в иной исторический период, дало начало светской теории суверенной власти. Потом в этом же мире поставили вопрос об источнике суверенной власти. Так в юридической литературе возникла теория, охватывающая три вида суверенитета: народный, национальный и государственный. Представляется весьма любопытным, что свойства монархического суверенитета, которые вначале присваивались монарху, были перенесены на народ и утверждали уже его суверенитет. Власть монарха рассматривалась как самостоятельная внутри и независимая вовне. Менялся субъект с папы на императора или короля, а затем на народ, но характеристики суверенитета утверждались старые: как единого, неделимого, неограниченного и неотчуждаемого. Эти характеристики доминировали и доминируют в научной литературе независимо от времени. Появление концепта национального государства в Западной Европе